

Е.Прасолов

**Две
судьбы
у меня...**

Губкин
2007

Для Евгения Прасолова умение слагать стихи - лишь одно из средств самообнаружения своего душевного богатства, и благодаря этому средству поэт делится с читателем своей добротой, сердечностью, любовью и тревожными раздумьями о трудной судьбе нашего земного мира. Его стихи не вымучены, не выдуманы, они на редкость естественны, самобытны, ибо органично связаны с правдой духовного мира автора.

Ю.Шестаков
член Союза писателей России,
лауреат литературной
премии им. А.Фета

В новую книгу стихотворений члена Союза писателей России Е.Прасолова вошли стихи, написанные в последние годы, а также отдельные стихотворения из предыдущих сборников "Люди любовью живы" и "Завороженные дали". Основу сборника составляют стихи о любви - к женщине, к Родине, к родному краю.

* * *

Две судьбы у меня, две судьбы.
И тащусь по одной я устало.
А другая несет, как попало,
Задевая о вехи-столбы.
Два крыла надо мной, два крыла.
На одном забираю все круче,
А другое свинцовою тучей
Прижимает к излуке седла.
А еще у меня - столько лет,
Столько лет, чтоб забыть тебя было...

Снова память к той дали прибило,
Где застал нас когда-то рассвет.

* * *

На осеннем ветру
Горячил свою кровь, как на битву.
Тесен отчий был край -
 я в леса уходил и в поля.
Так хотелось любить!...
А потом уходил я в молитву...
Отзвучал благовест.
И теперь ухожу я - в себя.

РАСКАЯНЬЕ

Как жизни будущей залог
Дано мне было в осознанье:
Любовь и Правда - вот мой бог,
И с ними слезы покаянья.

Но изменял я божеству,
К любви склоняя нелюбимых,
И с дел, неправедно творимых,
Дань собирая естеству.

И лишь раскаянье потом
Вновь растворяло меня в Боге,
И сам себя потом в итоге
Осознавал я божеством.

ПЕРВЫЙ ГОНОРАР

В детстве я жил в деревне Лебеди, что когда-то была на месте нынешнего Лебединского карьера. Детство было послевоенное, голодное. Новый год мне больше всего нравился за то, что в школе нам после выступления у елки давали по кулечку конфет. Это были «подушечки», самые тогда дешевые засахаренные карамельки с начинкой или без нее. В магазинах сейчас я таких не вижу. Без начинки нравились больше, потому что их можно было не только самому долго сосать, но и, выйдя с одной лишь такой конфеткой на улицу, откусывать по крохотному кусочку кому-либо из товарищей, которые, по обыкновению, в этих случаях просили: «Откуси, откуси!».

О том, что есть еще на свете конфеты шоколадные, я слышал, но что это такое и какой у них вкус, не представлял. Дома конфеты практически не водились, сахар был тоже редкостью.

Короче говоря, ничего я не ждал с таким нетерпением, как Нового года, когда я выступлю у елки и получу заветный кулечек.

В тот Новый год, который мне сегодня вспомнился, я был уже в четвертом классе. И сочинял стихи. Один из них моя учительница предложила мне прочитать у елки. Я согласился. Стих, помню, начинался так:

Раньше РОССИЯ
отсталой была,
Раньше Россия
под гнетом жила...

И вот учительница перед тем, как мне выйти, шепчет:

- Женя, можно я объявлю, что стихотворение это ты написал сам?

Не знаю почему, но я категорически ей в этом отказал.

Напрасно она уговаривала меня. Даже пообещала, что мне дадут еще один кулек. Не согласился.

Стих был не так чтобы уж очень длинный, но и не короткий (сейчас пишу гораздо короче). А заканчивался он так:

...И поднялся народ,
И собрался в поход -
Совершилась в стране
революция.
Поднялася страна,
Велика и сильна,
И создал Сталин книгу
«Конституция».

В книге той есть законы.
Против царских
драконов,
О которой мечтал
наш народ.
И по сталинской книге
Люди горы стали
двигать.
Наш народ
к коммунизму идет.

Вот так, не больше и не меньше. Во всяком случае, в духе того времени. А слушающей публикой, кроме учителей и нас, учеников, были наши матери, которые толпились в своих латанных одежках в дверях класса.

Когда я окончил читать, мне похлопали, как хлопали и всем, кто выступал до меня. Для меня это означало, что никто не понял, что я прочитал «ненастоящее» стихотворение, и это явилось в тот момент предметом моей гордости. Но когда я пришел домой, мне

стало до слез жалко того, второго кулечка, который я мог бы получить и не получил.

Однако на следующий день, когда я, набегавшись вволю (начались зимние каникулы), пришел домой, мать сообщила мне, что к нам заходила моя учительница и оставила кулек с конфетами...

Давно это было. Но я, как сейчас, помню и этот кулечек из тетрадного листа в клеточку, и принесшую его мне учительницу. Теперь считаю, что это был мой первый гонорар за стихи. И потому - самый дорогой.

ДЕРЕВНЯ МОЯ ЛЕБЕДИ

Мои Лебеди -
были ль, не были?
Веет память
теплом из детства.
Моя мудрая бабушка
Лена
мне оставила сказку
в наследство
Что не зря
этим гордым именем
называется край наш
издревле.
Будто в наши когда-то
дали
гуси-лебеди прилетали.
Эту сказку я крепко
запомнил,
я мечтою ее дополнил.
Только в детство
послевоенное
не летели
лебеди белые.
Я вернулся к ним
издалёка
и увидел я,
как врастают
корпуса Лебединского
ГОКа
в лебединую песню края.

Мои Лебеди!
В пульсе Родины
громыхают взрывы

карьерные...
Каждый дружит с мечтой
по-своему
и по-своему счастлив,
наверное.
Потому-то я верю сыну:
он недавно друзьям
божился,
будто видел,
как в небе синем
белый лебедь над ним
кружился.

«СЧАСТЛИВОЕ» ДЕТСТВО

Моя жизнь такова:
Был я в дедах своих раскулачен.
И под Курской дугой
был убитый с отцом я своим.
И за пять колосков
был я в поле объездчиком схвачен,
И за пять колосков
был потом я властями судим.
Моя жизнь такова:
Уходил я за матерью в поле.
Чтобы выжить, в семь лет
воровал на току я зерно.
И с соседской девчонкой
 входил я в артельную долю,
Собирая на топку
сухое коровье г-но.
И с ватагой ребят
по весне за съедобной травою
Отправлялся я в луг,
той голодной поры призывник.
И гудели шмели,
и совсем непонятной тоскою
Разрывал мою душу
кричащий над лугом кулик.

Моя жизнь такова:
 мать будила меня спозаранок,
И кувшин с молоком
 поднимал на плечо я свое.
Пять до Губкина верст
 вместе с бабами шел я на рынок
И попутно внимал
 их беседам про вдовье житье.
И в осеннюю хлябь
 обивал я приемной пороги,
Где за дверью двойной
 легендарный Кислов заседал.
Он смотрел на мои
 на босые озябшие ноги
И обычно «добро»
 на полтонны угля мне давал.
А зимой под метель
 при чадящем огне керосинки
На остывшей уже
 и чуть греющей русской печи
Об отце о живом
 рисовал я с любовью картинки
И стихи наизусть
 про счастливое детство учил.

КАК Я ХОДИЛ ХРИСТОСЛАВИТЬ

«Рождество Твое, Христе Боже наш...». Не помню, когда я выучил слова этой молитвы. Но кажется, что, как стал помнить себя, уже знал ее.

Под Рождество, помню, всегда наметало много снега, и стояли сильные морозы. А утром, ни свет, ни заря, нас будили матери в тщетной надежде, что мы забудем о своей вчерашней просьбе разбудить нас пораньше и останемся в теплых постелях. Тем более что шли школьные каникулы.

Но разве можно проспать, если целый год ждешь этого утра! Мать еще не успела до тебя дотронуться, раздумывая, будить или нет, а ты уже вскочил. Наскоро одевшись, выскакиваешь на улицу, на мороз или вынугу. Деревня еще вся погружена в сон, только кое-где нет-нет, да и осветится слабо на миг оконце хаты: это какая-нибудь хозяйка, встав с постели, посветит спичкой на часы-ходики на стене и, увидев, что еще рано даже затапливать печку, сладко зевнет с намерением досматривать свой утренний сон. Но раздается громкий требовательный стук в дверь сеней.

- Ну, кто еще там?
- Христославцы!

Нехотя звякает щеколда, и мы, совершенно не внимая ворчанию хозяйки за раннее нашествие и даже не здороваясь, прошмыгиваем мимо через темные сени внутрь хаты, туда, где, перед образами еле теплится зажженная с вечера лампадка.

- Рождество Твое, Христе Бо-оже на-аш!..
Мы отчаянно и безостановочно крестимся, безбожно перевиная слова и совсем не понимая их смысла. Но концовка всегда громкая и отчетливая, как выстрел:
- Господи, слава Тебе! Здравствуйте!
Последнее слово - это уже, обращаясь к хозяйке.